

PK1572536

Любовь Федунова

**«Все земные
СВЯТЫНИ
и узЫ...»**

Любовь Федунова

**«Все земные
святые
и узы...»**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2018

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
Ф34

Редактор — Федорченко Александр Георгиевич,
член Союза писателей России, редактор отдела прозы и поэзии
литературно-исторического журнала «Родная Кубань»

12+

Федунова Л. П.

Ф34 «Все земные святыни и узы...» — СПб.: Нестор-История,
2018. — 344 стр.

ISBN 978-5-4469-1443-2

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4469-1443-2

© Л. П. Федунова, 2018
© Издательство «Нестор-История», 2018

Содержание

Предисловие	5
От автора	10
СЛОВО О РУБЦОВЕ	13
«Душа подвига...» (поэзия Рубцова в критическом наследии Юрия Селезнёва)	15
Словообраз «душа» в поэзии Николая Рубцова	24
«Правда таланта» и «внутреннее зрение» Н. Рубцова ...	24
Душа поэта в поэтических этюдах о русских писателях .	25
Стихи Н. Рубцова как синтез традиций русской поэзии .	27
Идея «круга» — необходимый элемент композиции стихов, раскрывающих тему прозрения души	36
Семантические значения словообраза «душа» в поэзии Н. Рубцова	41
Словообраз «душа» — главный структурный элемент лирики Н. Рубцова	44
Морфологические и синтаксические конструкции со словом «душа» в поэзии Н. Рубцова	46
«Пускай всю жизнь душа меня ведёт!»	47
Таинственность «зелёных цветов» в поэзии Николая Рубцова	50
Мотив тишины в творчестве Николая Рубцова	64
Мотив тишины в художественно-философском мире поэта Николая Рубцова	64
Образ Тишины — «золотое сечение» души поэта Н. Рубцова	67
«Тайные сны» России в лирике А. Блока и Н. Рубцова	73
Мотив звучной тишины в поэзии Н. Рубцова	76
Два стихотворения. Два поэта: И. Бродский и Н. Рубцов ..	78
Тишина как предвестник творческих поисков поэта (Н. Некрасов, Г. Горбовский, Н. Рубцов)	80
Роль языковых средств в раскрытии мотива Тишины в лирике Н. Рубцова и Г. Горбовского	84
Поэзия Н. Рубцова — Космос звучащей Тишины	88

Поэзия, рождённая памятью сердца	90
«Словно зеркало русской стихии»: Рубцов и Пушкин	114
Чувство духовного родства со своей землёй в поэзии Вилиора Иванова и Николая Рубцова	144
«Никогда не порвется цепочка Между небом, землею и мной...»	144
«Я в его опечаленной думе Видел бедную нашу страну»	164
Литературное окружение поэта Николая Рубцова в Ленинграде	181
«Пускай всю жизнь душа меня ведёт...»	222
 СЛОВО – ЭНЕРГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА	
(статьи и заметки о литературе)	235
Художественное осмысление судьбы поэта Эрнста Теодора Амадея Гофмана в сонетах-«медальонах» Игоря Северянина	237
«Есенин – тайна русского народа...»	252
Памяти Сергея Вакомина	266
Заметки о публицистической прозе Сергея Вакомина	286
«Как я живу? Живу на свой манер...» (Сергей Иванов и Вилиор Иванов)	295
Земное и небесное в поэзии Юрия Баладжарова	303
«Поэты не должны умирать...»	309
Духовной жаждою томим... (<i>Воспоминания о Юрии Селезнёве</i>)	321
«Гостеприимная приютинская осень!...»	325
 Краткая библиография	335
Список статей Л. Федуновой с 2003 года	339

Предисловие

Давно уже собирался я написать о Юрии Ивановиче Селезнёве. Кажется, это желание возникло еще той душевной июньской ночью 1984 года, когда, вернувшись в Ленинград из командировки, я прочитал в газете сообщение о его смерти. Я познакомился с ним еще в 1974 году в общежитии Литературного института, и, хотя скоро мне пришлось уехать из Москвы, знакомство наше не прервалось. Я был тогда студентом-заочником, а он занимал достаточно большие посты в литературном мире (заведовал серией «Жизнь замечательных людей» в издательстве

«Молодая гвардия», работал заместителем главного редактора журнала «Наш современник») и всегда помогал или пытался помочь мне, но никогда я не ощущал в общении с ним каких-либо начальственных интонаций. Никогда наши разговоры не вязли в текущих мелочах. Юрий Иванович Селезнёв умел в любой разговор внести высокий смысл и значение и всегда приподнимал беседу над обыденностью.

Честно скажу, тогда я не разделял его воззрений насчет того, что русская литература становится едва ли не главным плацдармом, на котором разгорается третья мировая, идеологическая война. И особых страхов перед этой идеологической войной я тоже тогда не ощущал...

Куда страшнее представлялась мне советская идеология с ее удушающей замкнутостью в марксизме-ленинизме, с ее неумеренными восхвалениями «дорогого и любимого» Леонида Ильича Брежнева, с ее туповатым опасением всего нового. Но и эти полудиссидентские

взгляды, хотя я и не скрывал их, нисколько не мешали общению. Селезнёв был достаточно широк, чтобы упираться в пусть и раздражающие его частности, но никогда не терял ощущения русской общности, которая — я тоже остро чувствовал это! — и объединяла по-настоящему нас.

Со временем мне удалось преодолеть свою неустроенность, и в последние годы жизни Юрия Ивановича я превратился во вполне преуспевающего советского писателя, но потребность в общении с ним осталась.

Последний раз мы виделись, когда Юрия Ивановича только что уволили из «Нашего современника», и он особенно остро переживал это, еще и потому, что, кажется, впервые столкнулся с откровенным предательством тех русских людей, которых особенно любил и ценил.

Косвенно — мой роман «Пригород», который готовился к публикации в журнале, естественно, оказался отвергнутым и напечатан был только пять лет спустя, в «Неве» — я тоже пострадал тогда; и то ли поэтому, то ли потому, что его жгла неутихающая боль, но Юрий Иванович не стеснялся в оценках отдельных участников тех событий. И вот что поразительно...

Резкие и нелицеприятные оценки наших крупных писателей и литературных деятелей не загромождали разговор мелочной конкретикой, не сводили его к перечислению обид. Получалось, что Юрий Иванович говорит не столько о событии собственной жизни, сколько о природе русского движения, о трагической разобщенности русских людей.

С этим ощущением я и попрощался тогда с ним, полагая, что со временем мы еще вернемся к этому разговору, но продолжения не было: в июне 1984 года я прочитал в газете, что Юрий Иванович Селезнёв умер...

Почему в предисловии к сборнику работ Любови Федунковой я вспоминаю о Юрии Ивановиче Селезнёве?

Да потому, что его имя как-то само возникло в нашем разговоре с автором этой книги: оказалось, что она училась с ним на одном

курсе историко-филологического факультета Краснодарского государственного педагогического института.

«Я училась с Юрой в одной группе в шестидесятые годы и имела счастливую возможность наблюдать его вхождение в храм русской литературы, — рассказывала она. — Курса лекций по Достоевскому тогда еще не читали, и каждый из нас шел к нему путем самообразования, испытывая огромную радость при появлении каждого нового тома полного собрания его сочинений. Достоевский позволял нам глубже проникать в тайны мироздания и собственной души, постигать путь восхождения человечества к вершинам человеческого духа. 60-е годы — время «хрущевской оттепели» — способствовало появлению новомодных поэтов, которых Юра не любил за их стихотворные игры, формализм и отсутствие понимания духовной истории народа. Ему была дорога ключевая вода поэзии, а не та псевдораспахнутость, которую некоторые поэты пытались выдать за мерило поэтического мастерства. И сейчас я постоянно возвращаюсь к его книгам. Его книги необыкновенно близки мне».

Впрочем, она могла бы и не говорить этого.

Присутствие Юрия Ивановича Селезнёва в книге Любови Федунной не ограничивается статьей, посвященной его творчеству.

Мне кажется неслучайным, что исследование творчества Николая Рубцова Любовь Федунова начинает, цитируя статью Юрия Селезнёва «Перед дорогою большою», написанную после выхода сборника «Подорожники». Сам дух этой статьи, появившейся в дни сорокалетнего юбилея поэта Рубцова, образует особую сюжетную линию в разделе «Словообраз “душа” в поэзии Николая Рубцова», и вся книга Федунной — тут, разумеется, не идет речь ни о каких заимствованиях! — рождается как бы в диалоге со знаменитым критиком-однокурсником.

Отталкиваясь от селезнёвской формулировки, что «быть русским поэтом, значит быть эхом русской земли, своего народа», Федунова сопоставляет стихи Рубцова с произведениями Баратынского, Лермонтова, Тютчева, Фета и приходит к выводу, что рубцовские стихи являются синтезом традиций русской поэзии;

но в отличие от классиков русской поэзии, Николай Рубцов не противопоставляет человеческую душу «согласью полному в природе», а утверждает, что, прозревая, душа русского человека «стремится не к хаосу, а ко всеобщей гармонии и сама становится “хранилищем красоты” мироздания».

В стихах Николая Рубцова, по словам Федуновой, «поет и плачет человеческая душа, которая находит отклик в “криках перепелок”, в жалобном плаче одинокой кукушки», она звенит степными колокольчиками, и вместе с ней мы слышим, о чем «рыдают и плачут ромашки».

Разумеется, Любовь Федунова выбрала Юрия Селезнёва в свои собеседники — а кем, собственно, является автор запавших в вашу душу книг? — весьма удачно. Опора на его глубокий, не истончающийся в словесную эквилибристику анализ рубцовского «Подорожника» помогает Л. Федуновой пройти весьма нелегким путем. Проводя текстовый анализ, она выделяет идею круга как необходимый компонент композиции рубцовских стихов, раскрывающих тему прозрения души, анализирует семантическое значение словообраза «душа», рассматривает морфологические и синтаксические конструкции с этим словом, продельывает и другую весьма тонкую и ответственную литературоведческую работу.

При этом ей удается не сорваться в то псевдолитературоведение, которое занимается не столько анализом художественных произведений, сколько созданием на основе их неких самоценных текстов. Л. Федуновой удастся уберечься от этого искуса, потому что, подобно своему бывшему однокурснику Ю. И. Селезнёву, она полагается прежде всего на свое корневое, как и в стихах Николая Рубцова, родство с глубинной русской жизнью. «Поэзия Николая Рубцова дорога и близка нам, потому что уводит нас к истокам нашей памяти, к “зелёным цветам” нашей судьбы... — пишет она в статье «Таинственность “зелёных цветов” в поэтическом мире Николая Рубцова». — По-прежнему “вьюга полночным набегом” замечает поля и “бревенчатый низенький дом”, над которым, “в морозном тумане мерцающая, таинственно звезды дрожат”, откуда ушло наше дет-

ство, теперь больше похожее на сон... Жив ли мой “запорошенный снегом” дом, в котором остались воспоминания и детские сны? Песчинки моей памяти ведут меня на берег горной реки...»

Вспоминая о собственном детстве, Л. Федунова и пытается разгадать секрет рубцовских стихотворений, ибо тайна души поэта, как считает она, может открыться только тогда, когда мы начинаем всматриваться в его поэзию, его судьбу сквозь призму собственных ассоциаций и размышлений...

Помимо «рубцовских» материалов в сборнике помещены статьи, в которых Любовь Федунова пробует осмыслить творчество современных поэтов (Глеба Горбовского, Николая Рачкова) в контексте творчества Николая Рубцова.

Надо сказать, что хотя Любовь Федунова и работает вполне профессионально, но заниматься подобными исследованиями она начала, только переехав в Санкт-Петербург. Тем не менее десятилетия, занятые преподавательской деятельностью (Федунова долго работала в Туапсе в дошкольном училище), тоже не прошли мимо ее сборника.

Статьи Любви Федуновой, хотя она и не стремится упростить проблему, по-хорошему назидательны и доходчивы, и вполне могут использоваться при подготовке «рубцовских» уроков в школе. Многие статьи, наполненные болью за молодое поколение, которое может остаться без стихов Николая Рубцова, не оставят равнодушным ни одного русского человека.

*Николай Коняев,
член Союза писателей России*

Федунова Любовь Петровна родилась 12 августа 1944 года в селе Гофицком Шпаковского района Ставропольского края. Закончила Краснодарский пединститут, историко-филологический факультет (1966) по специальности: русский язык, литература, история.

С 2015 года — руководитель Рубцовского центра Санкт-Петербурга. Автор 5 книг стихов, имеет публикации в сборниках и антологиях Союза писателей России Санкт-Петербургского отделения.

Литературоведческие статьи о творчестве Н. Рубцова, С. Вакомина, Ю. Селезнёва, Н. Рачкова, Г Горбовского и других авторов опубликованы в научных, краеведческих сборниках Тотьмы, Вологды, Москвы, Санкт-Петербурга.

Постоянный участник Всероссийских рубцовских чтений.

Награждена за поисковую работу почётным знаком «Воинская слава поколений», медалью «Почётный житель посёлка Тельмана», значком «Отличник народного просвещения». Отмечена Вологодским союзом писателей-краеведов медалью «Николай Рубцов» (2016).